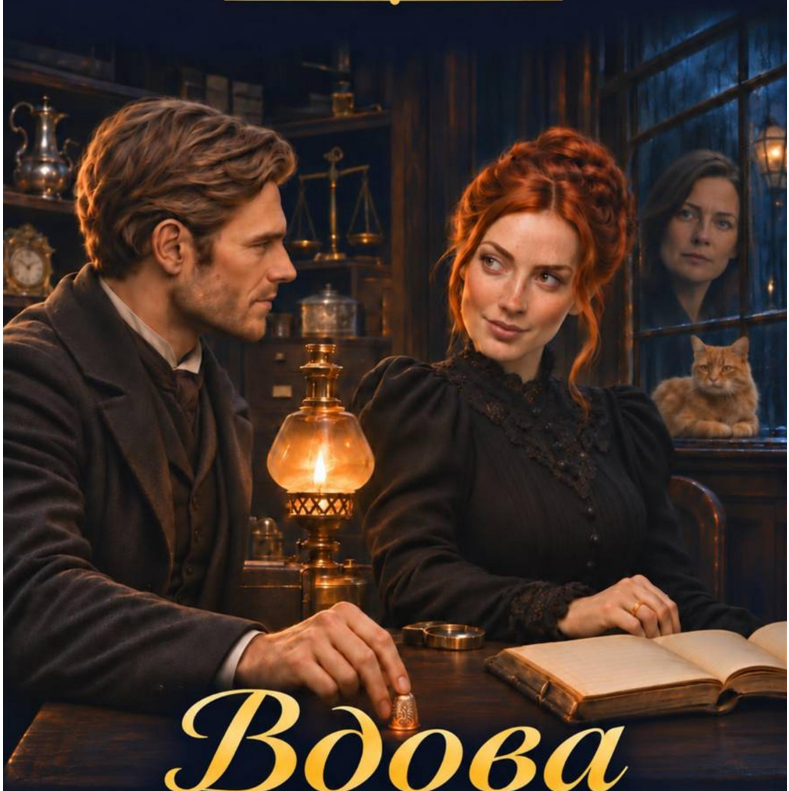
ОЛЬГА СЛОБОДСКАЯ

Вдова под залог

Сыщик, вы женились не на мне

Ольга Слободская

Вдова под залог. Сыщик, вы женились не на мне

https://litres.ru/74776952
SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга цикла «Вдова под залог».

Петербург, 1894 год. Я вернулась из будущего в собственное тело и проснулась с обручальным кольцом на пальце. Рядом сидит сыщик Корф. Говорят, в прошлом месяце мы обвенчались. Вот только я вижу его впервые. Замуж за него вышла Вера, пока жила в моём теле.

В ломбард приносят записку от подруги. Она просит сказать, что я её не знаю. Вскоре выясняется, что пропала девушка, и за помощью мне приходится обращаться к человеку, которого я только что выставила из спальни.

Содержание

Глава 1. Где Фёдор? 4
Глава 2. На Подъяческой 15
Глава 3. Я сама ему написала 26
Глава 4. Вместо неё 38
Глава 5. Я вернулась 52
Г 62
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Вдова под залог. Сыщик, вы женились не на мне

Глава 1. Где Фёдор?

Лиза

Человек рядом со мной держал ладонь у меня на локте. Я осторожно вытянула руку, но он проснулся и спросил, не затекла ли у меня шея.

— Кто вы?

Он убрал руку. За окном ещё проезжали сани, полозья царапнули булыжник, и я узнала, где лежу, прежде чем разглядела вытертую полоску на обоях. Прежде там стоял комод. Если отодвинуть его, с пола можно было вымести полпуда трухи: Фёдор привёз комод от дядюшки, а у дядюшки его годами ел жук.

Человек сел и потянулся к столику. Я ухватила одеяло обеими руками.

— За спичками, — сказал он. — Вот они.

Коробок он показал мне на раскрытой ладони, как показывают ребёнку лекарство, прежде чем дать. Потом зажёг лампу. На нём была белая рубаха, расстёгнутая у горла, а на пальце простое золотое кольцо. Я успела всё это разглядеть и только тогда посмотрела на собственную руку. У меня на

правой было такое же.

— Выйдите, пожалуйста.

Он встал, снял с крючка халат и вышел. Дверь не запер. Я слышала, как он остановился в коридоре и негромко позвал Петра Ильича.

От этого мне стало легче. За год я отвыкла, что человека можно позвать через две комнаты и он услышит. В квартире на Подъяческой, если Ирина Петровна включала телевизор, можно было хоть стучать половником в батарею. Она всё равно потом говорила, что подумала на ремонт у Зои с пятого.

Вскоре после больницы Ирина Петровна ушла в магазин и прислала мне первое голосовое. Я нажала на треугольник, и она спросила, купить ли хлеба. Я ответила, что дома ещё есть, и подождала. Потом нажала ещё раз и услышала, как она кашлянула в том же месте. Ирина Петровна вернулась с целой буханкой, а я так и не решилась спросить, слышала ли она меня.

Я спустила ноги с кровати. Пол оказался тёплым возле печки и холодным везде дальше. Чулок не было видно. Я нащупала тапочки, сунула в них ноги и чуть не свалилась: каблуки были примяты и поворачивались под пяткой. Мои. Я сама вышила на них по красному крестику, чтобы Дуня, прибирая, не ставила их носами в разные стороны. Крестики почти стёрлись.

В зеркале на меня смотрело лицо, которое я прежде тер-

петь не могла за то, что оно краснело даже тогда, когда виноват был другой. Я коснулась щеки. Знакомая ямка под скулой оказалась там, где я её помнила. Теперь, когда можно было смотреть сколько угодно, я почему-то занялась волосами. Распустила косу и переплела, подтянула пряди над ушами. В прошлый раз мне не дали даже умыться. Ирина Петровна стояла у больничной раковины и держала мой телефон, а я боялась спросить, почему она называет меня Верочкой. Вдруг скажет, что я и вправду Верочка, и отведёт к кому-нибудь ещё.

Пётр Ильич постучал костяшкой, как всегда, ровно один раз.

— Войдите.

Он показался в дверях в жилете, с испачканным чернилами пальцем. Я год ждала, что увижу его, и приготовила, кажется, слов двадцать. А сказала то, что никак не собиралась спрашивать.

— Где Фёдор?

Пётр Ильич придержал дверь. Ему надо было ответить, хотя он, конечно, думал, что я отлично знаю.

— На Смоленском, Елизавета Павловна. Там же, где мы его оставили.

— Я помню. Простите.

Помнила я плохо. Гроб опустили, и Капа дала мне платок, которым сама уже вытирала глаза. Потом не было извозчика, а когда нашли, она усадила меня между собой и Аркадием

Семёновичем, и всю дорогу я держала на коленях хлеб, который не доели на кладбище. У хлеба на нижней корке осталась прилипшая бумажка. Я соскребала её ногтем. Остальное я помнила до тех пор, пока пыталась вспомнить. Стоило отвлечься, и поездка снова обрывалась на этой корке.

— Я хотела спросить, какой нынче год, — сказала я.

Пётр Ильич посмотрел в коридор. Человек в халате стоял у окна спиной к нам, но слышал, потому что чуть повернул голову.

— Девяносто четвёртый, — ответил приказчик. — Март.

Я сунула руки в карманы халата, которого прежде не носила. Там оказались напёрсток и сложенный вчетверо листок с ценами на уголь. Мне хотелось вытащить бумагу и разгладить её на столе. Вместо этого я зажала её в кулаке.

— Он сказал, чтобы вы поднялись?

— Сказал, что вам нужна знакомая физиономия. Моя, говорит, для этого дела больше годится.

— Кто он?

Пётр Ильич потёр большим пальцем пятно от чернил и оставил на ладони синюю полоску.

— Арсений Карлович Корф. Вы с ним в прошлом месяце обвенчались. Я при вас был.

— Как это при мне?

— На свадьбе, Елизавета Павловна.

Он говорил тихо, а про свадьбу сказал громче, как иной человек повторяет цену покупателю, который надеется, что

ослышался. Я попросила принести моё платье. Пётр Ильич шагнул к сундуку, вспомнил, что сроду не разбирал хозяйских вещей, и остановился.

— В шкафу, — сказал из коридора Корф. — Слева. Серое вы носите по будням.

Я дождалась, пока оба уйдут, достала платье и обнаружила, что к нему пришит глубокий карман, куда влезла бы книга. У Фёдора я просила такой для ключей. Он сказал, что ключам место на гвозде, а всё прочее я могу носить в ридикюле. Теперь карман был прострочен белой ниткой по серому и оттягивал подол с одной стороны. Тот, кто его пришил, сделал это наскоро, зато укрепил угол двойным стежком. Я проверила шов ногтем. Держался.

На столике стояли две кружки. Одна была моя, с отбитым краем. Я брала её за ручку левой рукой, чтобы не порезать губу, но теперь скол замазали и зашлифовали, и я повернула кружку несколько раз, разыскивая его. Вода оставалась чуть тёплой. Я выпила и вышла.

В гостиной Пётр Ильич спешно убирал ведомость с конца стола. Корф уже надел сюртук, но воротничок застегнул кое-как, на одну сторону. Я бы сказала ему об этом, будь он Фёдором. Фёдор, правда, пошёл бы смотреться в зеркало и ответил, что петлю я сама плохо обметала.

— Я могу уехать к тётке? — спросила я.

Пётр Ильич оставил ведомость где была.

— Можно, — ответил Корф. — В такое время до утра

извозчика придётся поискать. Если вам будет спокойнее, я сам уйду. Здесь ваш дом.

— А чей был вчера?

Он повёл плечом, и плохо застёгнутый воротничок оттопырился ещё больше.

— Тоже ваш, по всем бумагам. Хотите, я принесу свидетельство?

Я хотела. Он вышел, а Пётр Ильич подошёл к буфету за чашками. Оттуда донеслось поскрёбывание. Я спросила, не завелась ли мышь.

— Куда там. Погодите.

Он приоткрыл нижнюю дверцу, и из буфета вылез большой рыжий кот. Под правым ухом шерсть лежала вкривь, точно там провели мокрым пальцем. За ним выбрался другой, поменьше, с бумажкой, прицепившейся к хвосту. Большой посмотрел на меня и сел. Я помнила, что он умел шипеть не разевая рта, так что сперва казалось, будто это засвистел чайник. Теперь он только сел.

— Залог, — позвала я.

Он вылизал переднюю лапу и отвернулся. Маленький подошёл, понюхал подол и сразу полез играть с застёжкой на тапочке.

— Этого как зовут?

Пётр Ильич открыл было рот, но тут вернулся Корф со сложенным листом.

— Кузя, — сказал он.

Я отпихнула маленького кота ногой, довольно грубо. Он отскочил и тут же вернулся. Мне понадобилось ещё немного воды, а когда Пётр Ильич подал кружку, я поставила её перед собой и не тронула.

На свидетельстве стояло имя, которым меня звали двадцать пять лет. Вторая строка была про человека за столом. Я прочитала обе дважды и подняла глаза.

— Она вам сказала, откуда приехала?

Он сел напротив. Пётр Ильич потянулся забрать со стола пустую чашку, помедлил, взял всё-таки и отнёс её в буфет. Корф дождался, пока он вернётся.

— Сказала.

— И вы ей поверили?

— Сначала я поверил, что она говорит со мной честно. С остальным пришлось пожить.

— Она когда-нибудь хотела домой?

Он посмотрел на мои руки. Золотое кольцо сидело плотно, под ним побелела кожа. На другой руке была бирюза, которую я пока не решилась снять.

— Она хотела знать, что с её котом.

— У Ирины Петровны. Стал толще. Она его совсем испортила, покупает пакетики с кроликом. Когда я покупала с курицей, он садился у соседки на коврике и ждал, пока она придёт с работы.

Я сказала это и увидела, как Корф положил обе ладони на стол, чтобы они лежали спокойно. Он хотел спросить, виде-

ла ли я Веру. Я уже приготовилась отвечать и вдруг поняла, что понятия не имею, сработало ли всё именно так, как я написала в письме. Я могла сказать ему, что перед тем, как очнуться здесь, стояла на Гороховой. Где проснулась Вера, я не видела. И если по какой-нибудь причине у неё не оказалось квартиры, письма и Ирины Петровны, помочь ей отсюда я никак не могла.

— Вы знаете, где она? — спросил он наконец.

— Думаю, дома. Я оставила ей письмо. Ей надо будет спуститься к крыльцу через два дня, если она согласится.

— Какому крыльцу?

— В трёх дверях отсюда. У вас там сейчас живут, а у неё был аукционный дом. Меня Капитолина высадила из саней прежде, чем мы доехали до дверей, потому что экипаж пришлось разворачивать. Я пошла домой пешком и поскользнулась у того подъезда. Ухватилась за железо у стены. Там висел фонарь, и рука осталась рыжей от ржавчины. Я оттирала её уже дома, за столом. Последнее, что помню.

Пётр Ильич подался вперёд.

— У меня часы тогда лежали перед тарелкой. Я собирался вниз, в лавку, чтобы выдать заклад. Вы ещё попросили передать соль. Я отвернулся к Капитолине Ивановне, а когда обернулся, вы уже сидели боком на стуле. Семь часов пять минут. Я потом ещё думал, что зазря смотрел на часы.

Корф выслушал его, положив один палец на край бумаги.

— Как вы узнали, что она упала там же?

— Соседка рассказала. Ей позвонили из больницы, а там знали от дворника. Я год проходила мимо того места. Поначалу боялась даже встать на ступеньку. Мне казалось, я снова очнусь в больнице и уже не вспомню, как зовут Ирину Петровну. Сегодня взялась за поручень и подумала, что хочу вернуться. Пожалуйста, не спрашивайте, почему это вышло. Я попробовала, потому что больше было нечего.

— Зачем вы вернулись?

Тут я попросила Петра Ильича подать мне карандаш. Он вынул его из жилетного кармана, вместе с ниткой и сухим обломком табачного листа, и положил на стол. Я перевернула ведомость, чтобы писать на обороте, но приказчик успел придвинуть мне чистый лист. На прежнем месте я за год не написала от руки ничего длиннее списка покупок. Слова, в которых дома употребляли буквы, от которых я там отвыкла, пока лучше было обходить.

— Дарья Белова, — прочёл Корф, когда я подвинула лист. — Пропала?

— Под таким именем её ищут. Она когда-то попросила меня придумать фамилию. Мы собирались снять ей комнату, и я увидела над лавкой вывеску Белова. Первое, что попалось. Если кто-то теперь знает её, значит, кто-то узнал, где она жила.

— Кто подал объявление?

— Не подписано. Я прочла его в газете. В моей газете это было на прошлой неделе, в той, старой. Мне нужно к ней

прежде, чем за ней придут. Мне обещали дать два дня. То есть я попросила, — поправилась я. — Пока ещё никто не обещал.

— Адрес помните?

Я помнила двор, ворота с отколотым навершием и дверь, от которой надо было подниматься на второй этаж. Номера я не знала. Корф принёс лист бумаги и спросил, что видно с улицы. Я нарисовала перекрёсток. Он переставил лампу поближе, чтобы свет падал слева, и я опять заметила его воротничок. Ему было важно занять себя этой картой, пока он не придумал, как спросить о другом. Я тоже весь год бралась что-нибудь шить, когда хотелось спросить Ирину Петровну, верит ли она хоть одному моему слову.

— Я поеду туда одна, — сказала я.

— В таком случае я узнаю улицу и найду вам извозчика. От его имени можно отказаться. От извозчика под окнами в такой час сложнее.

Пётр Ильич кашлянул. Он всё ещё стоял у буфета, держа пустую чашку, и смотрел на меня так, как смотрел когда-то, если я спускалась в лавку без Фёдора и не знала, куда деть руки.

— Вера ведь обычно сидит здесь? — спросила я, показывая на стул, который заняла.

— Сидит, — ответил он.

Я встала и пересела. Пётр Ильич хотел что-то сказать, но внизу позвонили. Колокольчик звякнул дважды и потом ещё

раз, с таким промежутком, чтобы сперва успели подумать, что посетитель ушёл.

— Уже закрыто, — сказал приказчик. — Я велел Груне не отворять.

Мы услышали её голос из лавки, потом мужской. Корф встал и, взяв со спинки стула сюртук потеплее, пошёл вниз. Я осталась наверху. Лампа коптила: фитиль был неровно подрезан, и с одной стороны над стеклом уже образовалось чёрное пятно. Я хотела попросить Петра Ильича убавить огонь, но сама нашла колёсико. Тут Корф вернулся. В руках у него была плотная бумага, сложенная так, чтобы не видно было ни одной строчки.

— Спрашивали Елизавету Павловну Лисицыну. Сказали передать только ей. Я ответил, что вы здесь.

Он положил бумагу на стол. На сгибе стояли две буквы. Даша и прежде писала «Д» так, что её можно было принять за перевёрнутую лавку: ей в детстве велели не отрывать пера от листа, а она всё никак не могла отучиться. Я поднесла записку к лампе.

«Если к тебе придут из конторы, скажи, что не знаешь никакой Беловой. Я сама ему написала».

Я дочитала и схватила Корфа за рукав.

— Человек, который это принёс. Он ещё там?

Глава 2. На Подъяческой

Вера

Под ногтями у меня был чёрный налёт, а на ладони лежала ржавая чешуйка размером с овсяный хлопок. Я содрала её и увидела, что ноготь на большом пальце цел. Мой ноготь, который можно подрезать ножницами, потому что он никогда сам собой не обкусывался.

Я стояла на Гороховой, держась за железо у стены. Надо мной светилась знакомая вывеска аукционного дома. Когда я работала здесь, последняя буква мигала, и Тарасевич както посоветовал поменять её за мой счёт. Теперь она горела исправно, а под вывеской в синем прямоугольнике висела табличка с другим расписанием. Зато на третьей ступеньке уцелела выщербина в форме запятой. Я вспомнила её раньше, чем вспомнила, как дышать ртом на морозе.

Из-за припаркованной машины вышел дворник в оранжевом жилете. Не тот. Этот был на голову ниже и держал бумажный стаканчик, от которого пахло корицей.

— Вы в порядке?

— Какое сегодня число?

Он поставил стаканчик на плоскую крышку урны и заглянул в телефон. Назвал число. Я попросила ещё и год. Он помолчал, потом назвал. Две тысячи двадцать седьмой.

— Вы ударились?

Я опустила глаза. Ботинки сидели на мне удобно, хотя раньше я предпочитала такие, в которых до магазина можно дойти красиво и обратно добраться только на такси. У правого ботинка на носке была трещина, аккуратно пройденная бесцветным клеем. Я подняла воротник пальто и нащупала внутри капюшона шов, которого прежде не было.

— Нет, — сказала я. — В этот раз нет.

До Подъяческой оказалось девять минут. Я помнила каждый угол, но ноги на первых двух поворотах сами повели меня в обход. В прошлом там после дождя промокали юбки. Теперь лужу на одном повороте перекрывала машина с рекламой доставки суши, а на другом вместо тёмного забора горело окно кофейни. За стеклом девушка сняла с подноса чизкейк и разрезала его проволокой. Я остановилась. Потом заметила, что смотрю на её руки и жду, когда она перевернёт тарелку. Почему-то мне было необходимо увидеть снизу клеймо.

Ключи нашлись в сумке, в маленьком мешочке из подкладки. Мешочек закрывался на бельевую кнопку. Из всего, что я за пять минут успела узнать о человеке, который жил здесь вместо меня, это мне понравилось больше всего. Мои ключи прежде жили на дне сумки в одной компании с мятой фольгой и дохлым чеком из аптеки. Для того чтобы открыть собственную дверь, я регулярно раздевалась на площадке.

На площадке стояла коробка для макулатуры. Когда я щёлкнула замком, из-за соседней двери донеслось жалобное

«мя». Я застыла с ключом в руке.

— Кузя?

За дверью поскребли. Потом сверху щёлкнула защёлка, и Ирина Петровна выглянула в том самом халате с драконами. Только один дракон распустился по шву, ивокруг его морды виднелись стежки свежей зелёной нитки.

— Давно пришла? — спросила она. — Я слышу, кто-то ковыряет. Думаю, дай посмотрю, не опять ли мальчишки. Ты чего в пальто?

Я всё ещё держала ключ на весу. Ирина Петровна посмотрела на мою руку, забрала ключ и распахнула дверь. Кузя прошёл у неё между ног, понюхал мой ботинок и сразу сел. Он стал шире. Я нагнулась, и он наконец потёрся об меня мордой, но поднимать себя не дал. Ещё чего.

— Вы его правда забрали.

— Ты сама принесла миску. А что, теперь обратно хочешь? — спросила она и прижала дверцу к косяку, чтобы кот не выскочил на лестницу. — Вер, ты сядь. Мне на тебя смотреть неудобно.

Я села у неё на кухне, на табурете, который прежде качался. Ножку подбили деревянной прокладкой. Рядом со сливом на полотенце стояли две фарфоровые чашки. Одну я подарила Ирине Петровне на прошлый день рождения, если это всё ещё можно было назвать прошлым днём рождения. Чашка была с гусями. Откуда взялась вторая с такими же, я не знала.

— Вы помните, как я упала? — спросила я.

— Упала-то я не видела. Мне из больницы позвонили. Ты там сначала спрашивала, где твоя Капитолина, потом мне целый вечер говорила «сударыня». Я решила, ну, пусть, давно меня никто сударыней не называл. Думала, за ночь пройдёт. Через неделю ты и пальто своё не узнала. А я тебе говорила, что синее лучше, ты всё серое выбирала.

Она передвинула сахарницу, которую я взяла вместо чашки. Кузя забрался мне на колени. Вес прибавился действительно. Он принялся переступать лапами, а я смотрела на его макушку и делала вид, что внимательно слушаю чайник.

— После больницы ты весь дом вымыла, — продолжила Ирина Петровна. — Я тебе пылесос показала, а ты всё равно щёткой. С работы звонили. Ты сходила один раз, взяла халат и больше не пошла. Сказала, чужие вещи трогать не будешь, пока не разберёшься, что сколько стоит. Так и сказала.

— Куда я потом устроилась?

— В ремонт одежды, на углу. Сначала пуговицы да молнии. Сейчас хозяйка ей говорит... тебе, в смысле, говорит: сама бери заказы, тебе люди верят. Ты мне ещё вчера говорила.

Она глотнула чай и в первый раз посмотрела прямо на меня.

— Верочка, у тебя это снова?

На плите у неё стояла сковорода, укрытая тарелкой. Оттуда пахло жареным луком. Корф не любил жареный лук в

супе. Говорил, что он оседает на ложке, а потом подбирал его хлебом, если думал, что я не замечаю. Ещё вчера мы спорили, можно ли ставить мокрые сапоги прямо под печку. Арсений переставил мои подальше и положил в них газету. От газеты отпечатались на подкладке полторы строчки о продаже жеребца. Сапоги остались там вместе с его и моим брачным кольцом. Я посмотрела на свою правую руку. На ней была бледная полоска от кольца, которое я сняла при разводе лет восемь назад. Полоску я придумала. Ничего там уже не было.

— Я не знаю, — ответила я.

Ирина Петровна сняла тарелку со сковороды и выложила мне две картофелины.

— Тогда ешь. После падения ты всякий раз на голодный желудок начинаешь решать, как дальше жить. Отсюда половина бед.

Дома я сперва проверила, закрывается ли окно в спальне. Раньше ручку надо было чуть приподнять, иначе она оставляла щель. Теперь ручка ходила легко, а на подоконнике стояли ножницы, мотки ниток и коробочка с винтами от прежней. Я могла бы посмотреть в ванной, переставлены ли щётки, и проверить холодильник, где под магнитом из Пскова висел список покупок. Но на моём кухонном столе лежало письмо, придавленное банкой с гречкой. На конверте было написано «Вере Андреевне Соколовой». Полное имя красивой аккуратной рукой, от которой я бы раньше отказалась принимать заявление. Уж очень тщательно были выведены

все буквы, даже те, что в нормальном заявлении люди только обозначают.

Внутри оказались два листа и распечатка газетного столбца. Шрифт на распечатке был мелкий, с серыми краями. Объявление обвели карандашом.

«За верные сведения о местопребывании Дарьи Беловой обещается награда. Письма оставлять в конторе газеты для Б.».

Я сначала посмотрела на год. Тысяча восемьсот девяносто четвёртый. Потом нашла число. С небольшим за неделю до того дня, из которого я выпала. Я ещё помнила, чем занималась тогда: меняла на витрине карточки, потому что у подставки для серебряных ложек отпустил клей, и Пётр Ильич засыпал фиолетовым песком все три ценника, пока они лежали на столе.

Я развернула первый лист.

«Если вы это читаете, значит, я дома. Простите, что не спросила. До сих пор я не знала, как с вами говорить. Ирину Петровну не пугайте, она за этот год и так много вынесла. Кузя у неё по своей воле, но, если будете забирать, корм лежит под мойкой».

Она оставила мне полстраницы бытовых указаний, включая два имени на случай, если позвонят из мастерской. Нина держала мастерскую и там же заказывала вещи для своего дома. Субботние шторы были для неё. Указала Лиза и сколько заплатила за электричество. Рядом с суммой написала:

«Проверила дважды». Я прочла строчку второй раз. Потом отодвинула лист, открыла холодильник и подержала дверцу, пока он не запищал. Она купила сливки. Я никогда не покупала сливок: к концу недели они скисали.

Дальше Лиза писала о Даше. Фамилию Белова они придумали вместе. Потом Лиза исправила «вместе» на «я предложила». Даша жила под нею с тех пор, как ушла от мужа. Лиза не имела понятия, у кого она теперь и жива ли вообще. Она долго искала в старых газетах её настоящее имя, а потом стала искать по фамилии, которую придумала для съёмной комнаты. Нашла только это объявление. Для человека, который сидел на моей кухне, ему было сто с лишним лет. Для того, кто на него откликался, меньше двух недель.

«Мне нужно два дня. Если вы захотите вернуться, идите к крыльцу аукционного дома через два дня в семь вечера. Возьмитесь за железный поручень у стены и подумайте, что хотите вернуться. Я сделала так. В прошлый раз мы обе коснулись его, хотя тогда я не знала про вас. Про свой обморок я помню только то, что перед ним пыталась отмыть ржавчину с ладони. Пожалуйста, не пытайтесь падать».

Это последнее указание я оценила. До него я как раз прикидывала, можно ли поскользнуться так, чтобы, если ничего не выйдет, обойтись без второй поездки в больницу.

На втором листе Лиза поставила рядом две даты. Одну взяла из телефона, вторую вывела по дню поминок и числу прожитых с тех пор суток. Ниже написала: «Если вам пона-

доблюсь, подайте в ту же газету на воскресенье: „Для швеи с Подъяческой. Серое платье готово к примерке“. Я буду проверять воскресные выпуски по вашему календарю. Напишите, на сколько дней зовёте. Если смогу прийти, оставлю на кухне письмо с числом и часом, когда буду готова поменяться обратно». Внизу приписала, что в четверг у неё заказ на шторы и синие нитки для них уже куплены.

Я сидела на своей кухне, у батареи с облупленной белой краской, и никак не могла привыкнуть к тому, что для кого-то синие нитки, оплаченный свет и мой кот весили почти столько же, сколько для меня теперь весил человек, оставшийся за полтора века отсюда. Он заметил бы подмену. Я на это надеялась. Потом подумала, что для него первый час будет хуже всего: я, может быть, сама вернулась домой и не предупредила. Ему неоткуда было знать, что, когда я закрыла глаза рядом с ним, я собиралась там же открыть их утром.

Я поискала телефон. Он стоял на зарядке под зеркалом в коридоре, в новом чехле с затёртым углом. Пароль остался прежний. Открылась переписка с женщиной по имени Нина. Она прислала фотографию юбки на вешалке и спросила, можно ли выпустить два сантиметра. Под её вопросом Лиза успела набрать ответ: «Можно, но старая строчка оставит след. Я вам покажу». Сообщение было отправлено сегодня в половине шестого. Это означало, что Лиза ещё за час до обмена работала и, вероятно, собиралась сюда вернуться. Я набрала, что по семейному делу меня два дня не будет. Убрала

слово «срочному». Отправила.

Потом я достала из ящика бумаги, на которых прежде записывала вес камней при осмотре. Из пяти листов четыре были исписаны на обороте. Лиза считала, сколько стоит шторная лента, и в одном месте ошиблась ровно вдвое. Я нашла чистый угол и написала: «Ваше письмо прочла. У вас два дня. Я вернусь». Положила лист к конверту. Подвинула банку так, чтобы не закрыть последнюю строчку.

В дверь позвонили. Я оставила письмо на столе и открыла. Ирина Петровна держала переноску, из которой высовывалась рыжая лапа.

— На ночь, — сказала она. — Только потом верни. Он у меня привык. И грелку выключи, если ставила. В прошлый раз я за тебя выключала.

Я взяла переноску. Кузя лёг на бок и занял её целиком. За спиной Ирины Петровны пахло хозяйственным мылом. Там же стояли мои старые сапоги, приготовленные кому-то отдать. Вот и всё, что осталось от моего долгого отсутствия для соседки: она забрала кота, вызвала мастера, когда я перестала узнавать окно, и сейчас одолжила мне того же кота до утра.

— У вас бумага от больницы не сохранилась? — спросила я.

— У меня нет. У тебя в серой папке. Ты туда всё складывала, пока еще путала месяцы. Зачем?

Мне хотелось знать одну вещь. Если на крыльце я схвати-

лась за поручень, а Лиза знала об этом падении от дворника, то почему взялась проверять только через год? Я понимала, отчего она решила рискнуть сейчас. Но вопрос, чем именно рискнула, она обошла. Пока читала письмо, я считала это её осторожностью. Теперь стала думать, что она боялась чего-то вполне определённого.

В серой папке лежала выписка, сложенная с квитанцией за лекарства. На бумаге из больницы указали вечернее время доставки. Сверху Лиза скрепкой приколола копию объяснения дворника, полученную у администрации аукционного дома. Соседка помогла ей написать запрос: понадобилось подтвердить время несчастного случая, чтобы потом вернуться на работу.

Сначала Лиза обвела дату. Потом время.

19:05.

В самом низу дворник приписал, что, когда он подошёл, пострадавшая ещё держалась за железный поручень. Он разжал ей пальцы, чтобы уложить её на бок. Я прочла это дважды. Ни за что я, по собственной памяти, не хваталась. На третьей ступени уехала нога, потом было небо. Рука помнила больше, чем я.

Кузя стукнулся хвостом об дверцу переноски. Я выпустила его и ещё раз посмотрела на лист. Около времени Лиза оставила одно слово, маленькое и неразборчивое на фоне печатных букв. Сначала я приняла его за название улицы. Прочла, когда повернула лист к лампе.

«Соль».

Глава 3. Я сама ему написала

Лиза

За дверью лавки никого не было. Корф шагнул на крыльцо, посмотрел в обе стороны и вернулся за шапкой. Я сказала, что за человеком уже поздно бежать. Он ответил, что собирается поднять с пола то, что человек уронил, и через минуту принёс узкую дощечку с привязанным к ней ключом.

— У двери за снег зацепилось.

Ключ был железный, с двумя бородками, а на дощечке карандашом написали «верх». Я узнала надрез у самого ушка. Когда мы снимали Даше комнату, хозяин дал нам два ключа и велел пометить, потому что нижний запирал дверь во двор, а верхний годился к обеим дверям, если слегка приподнять створку. Я тогда предложила завязать на одном красную шерстинку. Даша принесла дощечку. Сказала, что шерстинку ночью в кармане не отыщешь.

— Теперь знаю, куда ехать, — сказала я.

— Он вам ключ оставил нарочно?

— Если бы нарочно, сунул бы в записку. Это ключ от комнаты. Даша берегла его даже после того, как перестала там жить.

Корф поставил шапку на стол и спросил, хочу ли я ехать сейчас. Тут я заметила, что всё это время он предлагал мне то, чего я сама ещё не успела попросить, и ни разу не сказал,

что я должна сделать. Фёдор, бывало, начинал с того, что называл сумму на извозчика, и к концу разговора я сама убеждала его, что ехать незачем.

— Хочу, — ответила я. — Но сначала надо понять, кому она доверила ключ. Кто принёс записку?

Мы спустились в лавку. Решётка перед прилавком была новая, с круглой верхушкой на каждом прутке. На старой прутки оканчивались остриём. Я однажды порвала о него рукав и с тех пор обходила решётку по стенке, как обходят привязанную собаку. Новую можно было взять рукой.

Груня убирала в шкаф весы. Она поздоровалась со мной, как с хозяйкой, и сразу сказала, что посыльный в заплатанном картузе. Снег с левого сапога он стряхнул о косяк, с правого забыл. Лицо закрывал шарфом, но говорил молодым голосом. За спиной у него торчал свёрток, перевязанный ремнём.

— Передал бы мне, я б взяла, — сказала она. — А он говорит, мне за это не заплачено. Стало быть, заплатили за то, чтоб собственноручно. Елизавета Павловна, вы бы на улицу сейчас не совались. Там на углу воду пролили, и уже три человека легло.

— У меня там подруга.

Груня посмотрела на Корфа. Он снял с гвоздя мой платок и подал мне. В одно и то же движение ему удалось исполнить мою просьбу и заставить Груню снять со второго гвоздя ещё и его шарф.

Я сунула ключ в карман. От уличного холода у меня разом заболели зубы, и я вспомнила, что за весь сегодняшний день ела только один раз, у Ирины Петровны. Она предлагала завернуть пирог, а я отказалась. Сказала, что за пирогом приду завтра. Её завтра уже началось, а моего извозчика ещё не было видно.

Корф нашёл его на углу. Я попросила остановить у Сенной, не называя улицы. Пока мы ехали, он сидел рядом, придерживая локтем откинутый полог, который всё время норовил упасть мне на лицо. Я хотела спросить, когда Вера рассказала ему обо мне, но из этого вопроса выходило ещё два. Знала ли она вообще обо мне что-нибудь и почему, если знала, ни разу не попыталась меня найти? Обоих вопросов я боялась больше, чем ответа.

— Дальше я сама, — сказала я, когда сани остановились.

Корф достал часы. Защёлка закрылась у него между пальцами почти неслышно.

— Я подожду здесь полчаса. Дальше от вас будет зависеть, ждать ли ещё.

— Вы и с Верой так договариваетесь?

— С Верой я договаривался ждать четверть часа. Потом приходилось всё равно ждать полчаса.

Я сошла на землю. Извозчик протянул мне руку только после того, как я уже стояла на снегу. Я поблагодарила его, потому что он приготовил руку и теперь не знал, куда её деть.

Двор я нашла по воротам. Сбитое навершие до сих пор

держалось одним краем и скребло железом по камню, когда створку открывали настежь. В проезде хранили корзины с пустыми бутылками, и я поставила одну под воротину, чтобы она не захлопнулась. Поднималась я по той лестнице второй раз в жизни. В первый за мной шла Даша, держа под мышкой две наволочки. В одной лежало её приданое, какой-то кусок полотна и крахмальные воротнички. В другой были деньги, которые она боялась класть вместе с приданым. Она сказала, что, если Григорий найдёт её на улице, пусть сперва отнимет то, за что когда-то платил.

С верхней площадки пахло жареной рыбой. Кто-то вылил на лестницу чай, и ступеньки липли к подошвам. Я постучала в хозяйскую дверь. За нею сразу затихло шитьё. Тяжёлая педаль стукнула последний раз, а потом хозяйка спросила, кто там, хотя обычно сама же отворяла.

— Лиза Сомова.

Дверь открылась на ширину её ладони. Прасковья Степановна посмотрела на моё кольцо, на платок, потом на ключ.

— Сомова, — повторила она. — По мне, уж Лисицына. А по соседке моей, с третьего этажа, вы теперь госпожа Корф.

Я убрала ключ в карман.

— За мной тут следят?

— Как же. Только для этого достаточно газету читать. Под вашей свадьбой в газете было напечатано, что у вас два кота. Мне за всю жизнь ни одного кота в газете не напечатали, хотя последний жил шестнадцать лет.

Она отступила. Из передней видна была педаль машинки. Под ней лежала раздавленная картонная катушка. Прасковья Степановна увидела, что я смотрю, и столкнула её носком к стене.

— Вам туда, где раньше, — сказала она. — Верхняя дверь. Он унёс записку?

— Кто?

— Мой Мишка. Я дала ему ключ, чтоб после сам вернулся. Он за вами ходил.

— Ключ у меня. Видно, выронил.

— А я думаю, куда мальчишка делся. Теперь кутузки боится, небось сидит у приятеля. Идите, она вас ждёт. Больше всех ждала, а говорить будет, что вы ей сроду не нужны были.

У верхней двери я постояла, пока не услышала за ней осторожный кашель. Ключ действительно пришлось приподнять, как тогда. В комнате, где прежде стояло две кровати, осталась одна. Вторую заменили столом для раскроя, и край его выступал так далеко, что Даша, подойдя ко мне, задела его бедром. Я хотела обнять её, но у неё в руках были игольница и ножницы, и мы сначала целую вечность решали, куда их положить.

— Ты толще стала, — сказала она наконец.

— Ты тоже.

— Я в трёх юбках. А ты?

— А я целый год ела на ночь творог.

Я всё-таки обняла её. Она упёрлась мне подбородком в

плечо и постояла, пока я сама не разжала руки. Потом пододвинула стул. Ей было легче, когда я садилась. На людях, которые сидят, можно не смотреть каждую секунду.

— Твоя записка у меня, — сказала я.

— Отдашь потом. Мне нечего в ней скрывать, только пусть при мне лежит.

— Я видела объявление. Кто ему сказал про Белову?

Даша взяла ножницы. Развела ручки и защёлкнула их, пробуя, не заедает ли винт. После этого отложила.

— Я же тебе написала. Я сама ему дала знать.

— Что ты ему сказала?

— Что знаю, кто заходил к нему восемь дней назад, и хочу встретиться. Просила через контору газеты ответить, согласен ли. Он и ответил, что согласен. Весь Петербург теперь знает, что согласен. Половина Петербурга ищет Белову за вознаграждение. Надо отдать ему должное, он быстро учится.

Даша встала и достала из-под стола зелёный жестяной короб, в каких продают карамель. В коробе лежали нитки, тонкое шило и два куска сахару, завёрнутые вместе, чтобы не рассыпались. Под жестяным вкладышем оказалась бумага.

— Катя писала. Помнишь Катю?

Я помнила её очень хорошо. Катя вернулась на кухню за чугунком, когда остальные уже ждали у чёрного хода. Она сказала, что чугунок Прасковьи Степановны, а Григорий потом соврёт, что они ещё и посуду украли. Чугунок так и бро-

сили на улице: у Кати дрожали руки, она не могла нести его дальше. Потом она всю дорогу спрашивала, кто первый наткнётся на него на снегу.

— Она вернулась к нему?

— За деньгами. У неё за два месяца ничего не выдано. Она сперва хотела взять, сколько положено, и уйти. А потом ей сказали, что туда взяли ещё девушек. Она решила их предупредить. Сказала мне, чтоб я ничего не делала, пока не получу от неё письмо. Получила я вот это.

Даша развернула письмо, прикрывая рукой наружную сторону листа, которая служила конвертом. Я вытянула шею. Она передвинула руку.

«Приду, как условились, если меня отпустят раньше. Если задержусь, пакет забери сама. Он будет у П. С. Я насчитала шестерых, только адреса ещё не все».

Ниже стояли две маленькие черты, пересекавшие друг друга. Я вспомнила, как Катя вместо точки ставила крест. За это её учили писать заново целую страницу, и она потом до конца дня разговаривала с тетрадью вслух.

— Пакет у хозяйки?

— Пакет у неё. До утра не отдаст. Она спрятала его вместе с чужими деньгами, а ключ у мужа. Тот ушёл на ночную смену. Я хотела дождаться его сама, а потом послала к тебе Мишку.

— Катю после письма видели?

— Она пришла туда утром. Я знаю от повара. К обеду он

ушёл за мукой. Когда вернулся, Григорий сказал, что Катя уволилась. Платёжная книжка у него, плащ у неё в шкафу, а на улице по колено снег. Я спросила, куда она могла уволиться без плаща. Он велел повару меня больше на порог не пускать.

Я перечитала лист. Слова «если меня отпустят раньше» были написаны одним почерком с остальным. Кате не приходилось подбирать их, и она не подчёркивала ничего. Мне захотелось знать, сколько времени она ждала, прежде чем поняла, что её вообще не выпустят. Это был вопрос, который можно было задать только ей.

— Даша, надо идти в сыскную.

— Я ходила. Меня спросили, когда Катя выходила, в чём была и не могла ли уехать к родным. Я ответила, что не видела, как она выходила. Тогда мне сказали, что для начала надо узнать, правда ли уехала. С этого места мы ходим по кругу.

Она сложила лист. Прежде Даша не спорила, когда я говорила, как лучше. Смотрела на мои руки, ждала, пока я решу, и только потом спрашивала, не надо ли что-нибудь принести. Я вспомнила, как в прошлый раз, когда мы уходили от Григория, она в последний час попросила отвести её обратно. У неё на столе остался клубок с воткнутой иголкой, и ей вдруг показалось, что без этого клубка она не сможет работать. Я взяла её за руку и довела до ворот, а там сама же встала так, чтобы она не увидела, как долго я искала ключ.

— У меня внизу сыщик, — сказала я.

Даша подумала.

— Твой муж?

— Да.

Так было легче сказать. Я ещё ни разу не произнесла этого слова про Корфа. Вошло в рот как вставная челюсть. Не мешало говорить, но всё время хотелось проверить языком, держится ли.

— Он поднимется, если позвать?

— Поднимется.

— Тогда позови. Только скажи сперва мне: ты правда была больна весь этот год? Я два раза передавала тебе письмо. В первый ответили, что у вас опись и ты никого не принимаешь. Во второй я пришла сама, тебя увидела через стекло. Ты на меня посмотрела и стала считать ложки.

Я не помнила, какие письма передавала Даша. По-настоящему не помнила и того, чтобы хоть раз за год мне приснился ломбард. В снах я обычно искала Ирину Петровну или стирала воротничок на рубашке Фёдора. Просыпалась и знала, что рубашки уже нет. Спросить, как Вера поняла, что видит перед собой подругу Лизы, можно было только у Веры. А если она не поняла, спрашивать было не о чем.

— Болела, — ответила я. — Теперь могу тебя выслушать.

— Я уже всё сказала. Вот письмо. Позови его.

Внизу кто-то наконец сдвинул корзину, и воротина закрылась со скрипом. Я спустилась к Прасковье Степановне, по-

просила её сказать Мишке, если тот вернётся, что ключ у меня, и пошла на улицу. Извозчик переминался у саней, прихлопывал ладонями по бокам и жаловался на полоз. Корф стоял возле него, держа полог откинутым. Я сказала, что Даша согласна говорить. Он расплатился с извозчиком и попросил его подъехать через час.

— Вы ничего о ней не знаете, — предупредила я.

— Потому и хочу послушать.

— Она может сперва сказать, что всё в порядке. Так она говорит, когда видит кого-то впервые.

— Тогда начнём со второго вопроса.

На лестнице он остановился и застегнул воротничок. Я всё-таки сказала ему, что у него пуговица не в петле. Он расстегнул и поправил, как человек, которому прежде уже поправляли воротник, только сейчас он привык, что это может сделать одна женщина. После этого я пошла первой.

Даша встретила нас в передней. Письмо она успела убрать. Пока Корф спрашивал, когда Катя ушла из комнаты и кто последний видел её в конторе, Даша отвечала очень ровно, только всякий раз поправляла рукой крючок на манжете. Через десять минут он попросил её записать имена. Она взяла карандаш. Первую букву в слове «Катерина» пришлось выводить поверх второй раз.

— Покажите повара, когда вернётся в контору, — сказал Корф. — Мне надо услышать от него, что было с Катей. А пакет заберите с хозяйкой, как только она сможет открыть.

Пока его никто не видел, так пусть и останется.

Даша поглядела на меня, и я кивнула. Тогда она дописала имя повара и протянула ему лист.

— Григорий ждёт меня утром, — сказала она. — Передал через газетную контору. Он говорит, что Катя сама мне ответит, если я приду.

Корф сложил список и убрал во внутренний карман.

— Скажите ему, что сперва хотите увидеть её у окна или на крыльце. В контору заходить не надо. Если покажет, это уже будет ответ. Если откажет, пусть объяснит, почему.

— Мне он ничего не объяснит. Он скажет «пошли домой» и протянет руку. У него это с самого начала получалось, а у меня с самого начала не получалось ему отказать.

Даша сказала это при Корфе и после посмотрела на меня с таким удивлением, будто слова вырвались у меня. Корф предложил сам прийти к конторе и подождать с другой стороны улицы. Даша помолчала, потом кивнула. Я видела, что она уже делает для себя выбор. Если бы я спросила, зачем ей вообще туда идти, она бы сказала, что Катя не знает никого, кто придёт за ней, кроме Даши. Для неё этого было достаточно.

В половине одиннадцатого Корф ушёл с записанными именами, а я осталась помочь Даше сложить вещи. Она достала из ящика серую юбку. На подоле изнутри виднелась синяя строчка. Я спросила, зачем хранит её после всех этих лет. Она сказала, что хотела отдать Кате, а потом поняла, что

Катя будет делать вид, будто не помнит, как одолжила её в тот вечер. Даша сложила юбку поверх всего и закрыла ящик.

— Утром пойдёшь ко мне? — спросила она.

— Да. За тобой.

— Только ничего ему без меня не говори.

Я дала слово. Когда она отвернулась к ящику, я поднесла к лампе записку, которую Григорий прислал через контору газеты. Даша оставила её на столе лицом вверх. Он предлагал встретиться в девять. На конце строчки было приписано, что дверь откроют с восьми.

В восемь Даша ещё будет собираться.

Глава 4. Вместо неё

Лиза

Без четверти восемь я уже стояла перед конторой Григория. Мальчик домывал крыльцо. Он налил в ведро столько воды, что на последней ступеньке осталась целая лужа. Я сказала, что к девяти здесь будет лёд, и он спросил, не могу ли я подождать на другой стороне улицы, пока отопрут.

— Могу. Только мне к хозяину.

Он отставил ведро и посмотрел на мою муфту. В муфте лежал лист, который я списала у Даши перед уходом. Слова Кати я переписала точно, даже крестик в конце, а наружную сторону оставила чистой. Подлинник лежал у меня за подкладкой. Я взяла его, потому что Григорий мог не поверить переписанному листу. Когда готовилась дома, это казалось единственным случаем, в котором оригинал понадобится.

Контора занимала две комнаты над лавкой, где продавали канаты и паклю. На лестнице от пакли першило в горле, как в старые времена. Когда Даша ещё служила у мужа, я приходила за нею сюда. Мы спускались, потом она вспоминала, что оставила наверху записку или деньги, и мне снова приходилось вдыхать этот запах. Иногда она ничего не забывала. Просто Григорий стоял у окна, пока она уходила, и ей хотелось вернуться за какой-нибудь мелочью, прежде чем он придумает причину позвать её сам.

Ровно в восемь мальчик отворил дверь и поднялся за мной. За перегородкой кто-то перебирал мелочь, сдвигая медяки ребром ладони. Григорий сидел у окна и читал газету. Я узнала его по рукавам: правый он всегда натягивал на манжету так далеко, что при письме подгибал её большим пальцем.

Он отложил газету.

— Елизавета Павловна. Вы теперь по делам мужа ходите?

— По своему.

— А я уж подумал, что сыскной полиции тоже нужны кухарки.

Он встал и подал мне стул. На столе остался вырезанный из газеты прямоугольник. Я заметила, что вырезали объявление про Белову, потому что прочла оставшиеся вокруг слова. Слева предлагали молодую лошадь, справа искали квартирную хозяйку. То же самое я видела на распечатке, прежде чем сложить её в конверт для Веры.

— Даша не придёт, — сказала я.

— Сегодня?

— Пока не увидит Катю.

Григорий подвинул вырезанную газету к себе. У дырки по краям торчали волокна. Вырывал торопливо и всё-таки хотел сохранить кусок целым.

— Екатерину я отпустил, — сказал он. — Тут проходной двор. Одни каждый день просятся, других ни пряником не удержишь. Ваша подруга это знает.

— У неё здесь остался плащ.

— Я не опись составляю, когда девушка увольняется. Можете взять.

Он повернулся к перегородке и позвал мальчика. Тот выглянул. На волосах у него было белое пятнышко от высохшего мыла.

— Отнеси в переднюю Катин плащ. Чёрный, в шкафу у стены.

Мальчик спросил, какой, если их там два. Григорий ответил, что второй не её. После этого мы оба подождали, пока мальчик найдёт, что ищет. За перегородкой открывали дверцу, потом закрыли, снова открыли. Григорий всё это время смотрел на меня, и оттого я не решалась поправить муфту на коленях.

— Вы сами сказали, что Катя ответит, если Даша придёт.

— Сказал. Чтобы она пришла. Жене написать нельзя: она живёт под чужим именем. Зато теперь она знает, что я его выучил, и присылает ко мне жену сыщика.

— Она никого не присылала.

Григорий наклонился и поднял с пола упавший медяк. Он положил его на край стола, где медяк остановился стоймя, покачался и лёг плашмя.

— Так она знает, что вы здесь?

Я вытащила переписанное письмо.

— Катя успела написать, сколько новых девушек у вас было. Шестерых насчитала. Даша знает, куда это отнести.

Григорий прочитал и спросил, почему Катя пишет моим почерком. Я сказала, что списала для него. Он вернул лист. Через бумагу у меня проступили пальцы, хотя я держала её с двух сторон.

— К вам кто-нибудь являлся с этим? — спросила я.

— Пока только вы. Когда явится кто-то ещё, я у него спрошу, отчего Катя не написала, где её искать.

Он говорил по-прежнему мягко. Я помнила, что у него получалось так говорить, пока человек напротив не начинал сам себя поправлять. Даша однажды пришла к нему с жалобой, что деньги за два платья исчезли из шкатулки. Когда вышла, она уже говорила, что, наверное, переложила их на полку. Потом мы с ней перебрали всю полку. Григорий стоял в дверях и держал свечу.

— Покажите, где она за расчёт расписалась, — сказала я.

Григорий положил ладонь на книгу.

— Я вам свою книгу открою, а вы мне чужое письмо по памяти читаете. Дайте поглядеть подлинное.

Подлинник лежал за подкладкой, адресом к платью. Я могла встать, дойти до Прасковьи и подождать, пока принесут ключ. К тому времени Григорий уже знал бы, что у Кати остались бумаги, а я по-прежнему не знала бы, есть ли в книге её подпись. Мне хотелось увидеть именно ту строчку, о которой он заговорил только после моей просьбы.

— Книгу сюда, — сказала я.

Он придвинул книгу. Я вынула письмо и сама развернула

его. Григорий ткнул ногтем в крестик внизу, потом попросил перевернуть. Я перевернула. У Прасковьи пакет лежал под замком, а до её дома от конторы было меньше четверти часа. Я собиралась уйти раньше него.

Григорий прочёл адрес. Сверху вниз, ни разу не подняв головы.

— Теперь расчёт, — сказала я.

Григорий открыл придвинутую книгу на почти пустой странице. Наверху стояло число, внизу расписался мальчик, который держал лестницу при мытье окон. Григорий подтянул к себе обрывок газеты и написал на нём несколько слов. Потом позвал Ивана к перегородке и отдал обрывок. С другой стороны стукнула дверь.

— Сходи к господину Ильину, — сказал Григорий через перегородку. — Попроси, чтобы он поднялся ко мне сейчас.

Мальчик прошёл мимо с плащом на руке. За ним по лестнице спустились шаги. Снизу хлопнула дверь, и Григорий повернул книгу к себе.

— Расчёт делает Ильин. С ним и поговорите, если вам нужна подпись. У меня встреча через десять минут. Могу вас потом проводить до лавки, раз уж вы одни.

За перегородкой снова стукнула дверь. Я спросила, куда вышел Иван. Григорий ответил, что послал за счётом из соседней лавки, на две минуты. Потом надел пальто. Правая перчатка у него была вывернута. Он расправил её зубами и ушёл тем же ходом. Мне оставалось либо идти за ним, либо

всё-таки получить у Ильина то, за чем я пришла. Я прождала ещё четверть часа.

Наконец мальчик вернулся. Господина Ильина ещё не было в лавке. Он пришёл бы в девять, как каждый день. Мальчик положил на стул Катин плащ. На нём, там, где плечи трутся о спинку, ткань стала лосниться. Катя раньше носила его нараспашку, потому что пуговица в середине была выше петли. Даша собиралась перешить, всё откладывала, и вот теперь я смотрела на пуговицу и думала, что могла бы взять плащ. Как будто с этого было полезно начать.

— Давно у хозяина вторая дверь? — спросила я.

— С той поры, как он за стеной комнату снял. Хозяин там ходит, когда спешит.

— А кто за перегородкой деньги считал?

— Иван. Он мне показал, где плащ. Его господин прежде меня отпустил.

Мальчик сказал, что Иван мог выйти раньше Григория. Я посмотрела на газету с вырезанным прямоугольником и спросила, можно ли оставить плащ на стуле. Он сказал, что плащ ему всё равно велели вынести в переднюю.

Я побежала к Даше.

***

Она уже оделась и проверяла у зеркала, держится ли шляпка. В зубах у неё была булавка. Когда я сказала, откуда

иду, она вынула булавку и воткнула обратно в шляпку, мимо того места, которое до этого искала.

— Я тебя о чём просила?

— Я хотела узнать, есть ли Катя в конторе. Он велел вынести её плащ. Сказал, что отпустил.

— Ну и где она?

Я не ответила. Даша расправила перед зеркалом воротник. Слева он завернулся внутрь, и я потянулась поправить. Она отступила.

— Он видел письмо, — сказала я.

— Копию?

— Оба.

Даша застегнула воротник так, как он лежал.

— Тогда идём к Прасковье Степановне. Я только надеюсь, ты ему и дверь внизу не показала.

В коридоре уже топили. Из хозяйской комнаты тянуло угольной пылью. Прасковья Степановна сидела за столом и заворачивала хлеб Мишке. Мы спросили о пакете. Она оглянулась на пустой стул у окна и сказала, что его забрали. Муж вернулся со смены и оставил ей ключ. Она уже собиралась подняться к Даше, когда постучал гонец. Сказал, что Катя послала его от Дарьи Беловой. Назвал её так, как её больше никто не называл. Хозяйка спросила, отчего Даша сама не спустилась. Гонец ответил, что она ждёт у ворот, чтобы уйти вместе. Прасковья Степановна посмотрела в окно, увидела женщину в похожем платке и отдала пакет.

— Я могла бы подняться спросить, — добавила она. — У меня хлеб горел.

Даша подошла к окну. Стекло было мутное от пара. Она протёрла его рукавом и посмотрела туда, где в проезде стояли бутылочные корзины.

— Женщина могла быть кто угодно, — сказала она.

Прасковья Степановна взяла нож, но резать больше было нечего. Она помнила, что гонец сказал и ещё кое-что. Спросил, прежняя ли хозяйка у Катерины и скоро ли она выйдет на работу. Прасковья Степановна решила, что это нужно для расчёта, и сказала, куда Катерина теперь ходит по утрам. Она уже собиралась уточнить, какая Катерина, но гонец поблагодарил и сошёл с лестницы.

— Вы про Аню сказали? — спросила Даша.

— Я сказала, куда та, которая здесь жила, теперь ходит. У вас же было две. Господи, вот у хлеба где корка прогорела.

Она взяла нож и стала соскабливать обугленное. В комнате слышно было только это. Даша стояла у окна и не спрашивала хозяйку, почему та не позвала её. Я бы на месте Даши спросила. Мне хотелось услышать хотя бы один вопрос, который задали бы не мне.

— Письмо дай, — сказала она.

Я отдала. Даша развернула его наружной стороной ко мне. Адрес стоял в две строчки. Фамилия хозяйки была написана без сокращений. Я столько раз посмотрела на этот лист, готовясь к разговору, и ни разу не повернула его как письмо,

которое попало человеку в руки. Мне казалось, что я знаю, что на нём важно.

— Он бы и так нашёл этот дом, — сказала я. — Двое уже ходили по комнатам.

— Может, и нашёл бы. До восьми он не знал, к кому посылать.

Даша сложила лист и убрала в рукав. Потом стала застёгивать пальто снизу вверх и пропустила одну пуговицу. Я подождала. Она заметила сама, расстегнула и начала снова.

— Теперь к нему пойдёшь? — спросила я.

— Теперь к Ане. Если её найдут прежде, я хотя бы успею предупредить, отчего спрашивали про Катерину.

Она взяла у хозяйки хлеб для Мишки, хотя тот всё ещё был тёплый, завернула и оставила на полке возле двери. Потом вышла. Я дала ей дойти до конца коридора и только тогда пошла следом. На лестнице меня остановила Прасковья Степановна.

— Лизавета Павловна, а пакет был тяжёлый, — сказала она. — Я ещё подумала, бумаги столько не весят. Там внутри было что-то твёрдое. Может, книжка в досках.

— Она говорила, что там?

— Велела никому не развязывать.

На улице стоял Корф. Он приехал к условленному часу и собирался идти к конторе. Когда увидел Дашу, остановился. Я вышла вслед за ней и сказала, что была у Григория, показала письмо, пакет увезли. Корф выслушал и спросил, когда

это случилось. Он посмотрел на часы, но ничего про обещание Даше не сказал. За это я была ему благодарна, пока он не повернулся к ней.

— Куда вы сейчас?

— К Ане.

— Я пошлю туда человека, если скажете адрес. Пока он ищет, поезжайте с Елизаветой Павловной ко мне в лавку.

Даша посмотрела на меня. Я ждала, что она откажется. Она согласилась и сама назвала адрес. Корф записал его на том же листе, где накануне стояло имя повара. Я увидела, что фамилию он успел зачеркнуть и написать заново.

— Повар приходил утром, — сказал он. — Вчера уволился. Ему заплатили, чтобы он больше ничего про Катю не рассказывал. Он решил, что может рассказать до того, как уедет. Плащ Катя действительно оставила.

— А сама вышла?

Корф убрал лист. Внизу его перчатки разошёлся шов, через разрез виднелся край манжеты. Я подумала, что в другой день мне было бы легче спрашивать человека, у которого всё застёгнуто и зашито.

— Он видел, как её увели через задний выход. Дверь на дворе потом заперли изнутри.

Даша посмотрела туда, где оставила санки с вещами. Я приготовилась сказать, что найду другие. Она уже направилась к улице и только из ворот сказала, что пойдёт пешком.

***

Я всё-таки съездила к дому Кругловой. Блинов там уже был, и мне оставалось только посмотреть на заднюю лестницу. По ней спустилась кухарка в длинном переднике. Она вынесла золу, опрокинула ящик и постучала им о камень. В окне над лестницей не горела лампа. Я спросила, не нужно ли помочь, хотя из нас двоих она меньше нуждалась в помощи.

— Кто вас звал? — спросила кухарка.

Я сказала, что ищу швею. Кухарка предложила другую. Та шьёт хорошо, только мерит по готовой вещи и на примерке каждый раз спрашивает, кто столько ест за обедом. Мне надо было ответить, что всё равно согласна, и уйти с каким-нибудь именем. Вместо этого я назвала Аню.

Кухарка забрала ящик и спросила, кто такая Аня. По тому, как она поставила ящик на первую ступеньку и оставила руки свободными, я поняла, что она действительно не знает. Ей не пришлось даже подумать. Она уже собиралась идти за той, что спрашивает про обед.

— Шила здесь, — сказала я. — Невысокая, в тёмном пальто.

— Катя? За ней сегодня приходили. Вначале один, потом ваш.

Она показала на улицу. Блинова уже не было видно. Я

спросила, кто приходил первым. Кухарка сказала, что имени не знает. Пришёл с запиской, показал хозяйке и подождал на лестнице. Катя ушла после него, с сумкой, и взяла обрезки, которые отложила в прошлую пятницу. Если бы собиралась вернуться, сказала бы, чтобы оставили.

Я посмотрела на её ящик. На дне лежал кусок синей нитки, ещё не обгоревший. Я подумала, что могла бы спросить, не Аня ли его уронила, и вот тут наконец поняла, что пришла искать хоть что-нибудь, что могу принести Даше. Нитку, адрес, чужую швею. А у меня пока был только рассказ о том, что я сделала утром.

— Если она вернётся, скажите, что её ждут на Гороховой, — попросила я.

— Кто ждёт?

Я чуть было не сказала «Даша». За лестницей отворили дверь, на снег упала полоска света. Кухарка подняла ящик, и зола осыпалась с его края.

— Елизавета Павловна, — ответила я. — Она поймёт.

Кухарка повторила имя, чтоб запомнить, и закрыла дверь. Я дошла до ворот. В тот день меня уже дважды спрашивали, кто ждёт и куда надо прийти. Первый раз я ответила за другого человека. Теперь назвала себя и не знала, останется ли от этого Ане хоть одна причина явиться.

Даша встретила меня у печки. Она сушила перчатки, держа их по одной в каждой руке. Я сказала, что нашла только кухарку. Она спросила, оставила ли я адрес. Я ответила, что

назвала себя.

— Кого?

— Себя. Лизу.

Даша перевернула перчатки. С одной стороны они были ещё мокрые.

— Ну, посмотрим, к кому она придёт, — сказала она.

***

На другой день без четверти семь я сидела в лавке и записывала всё для Веры. За сутки Аню не нашли. Хозяйка дома, где она работала, сказала, что её отпустили к знакомым, и обещала передать записку. К кому именно отпустили, хозяйка не знала. Даша с утра ждала в той же комнате над Сенной, а к обеду вернулась и села у Груни за прилавком. Так мы по очереди смотрели на дверь, пока я наконец не открыла тетрадь.

Я начала с Григория. Дальше записала, кто унёс пакет, и сколько было девушек по письму Кати. Написала, что Даша просила меня не ходить к нему без неё. Это оказалось труднее всего, хотя строчка вышла короче других.

Корф сидел у окна и разбирал бумаги. Я попросила его сказать Вере, что не заставляла её возвращаться. Он ответил, что скажет, если она спросит. Потом отложил бумаги и спросил:

— Вы уверены, что это будет сейчас?

— Мы договорились на семь.

— Вы попросили.

Он запомнил, что я поправилась. Я поставила в тетради сегодняшнее число и написала, где искать Дашу. До семи оставалось несколько минут. Мне хотелось успеть прибраться хотя бы на половине стола. Я отнесла перо к чернильнице и сняла с тетради засохшую хлебную крошку.

— Арсений Карлович, — сказала я. — Если она не придёт, у меня всё равно остаётся дело. Я завтра снова пойду к Прасковье Степановне.

— Я бы тоже туда пошёл.

В прихожей хлопнула дверь. Груня подняла голову, а я положила ладонь на тетрадь, чтобы запомнить, на какой странице остановилась. Из лавки вошёл Блинов, стряхнул с рукавов снег и назвал Корфа по имени-отчеству.

— Григорий Брагин завтра утром явится сам. С Екатериной.

Даша встала из-за прилавка.

— Он её отпустил?

Блинов посмотрел в бумагу, которую держал.

— Пишет, она и прежде была свободна. И что теперь готова это подтвердить.

Глава 5. Я вернулась

Вера

За два дня Кузя один раз сходил домой. Он прошёл по моей квартире, обнюхал ножницы на подоконнике, залез на холодильник и оттуда потребовал, чтобы его отнесли обратно к Ирине Петровне. Я отнесла. Перед самым уходом он положил передние лапы мне на плечо. Соседка решила, что так он прощается. Я решила, что с плеча удобнее перебираться на шкаф.

Я вынесла мусор и оставила на столе деньги за электричество. Ещё написала Лизе, что её заказчица Нина согласна ждать до субботы. Письмо я начала «Уважаемая Елизавета Павловна». На третьей строчке зачеркнула обращение. Всё-таки это она оставила мне два листа про мою собственную квартиру, а я собиралась отвечать ей так, будто она прислала запрос о пересмотре оценки.

«Лиза, я иду. Хочу, чтобы вы знали: если получится, это моё решение. Не за два дня же я научилась чинить шторы».

Я подумала и добавила, что с кормом для Кузи она была права. Под мойкой действительно лежали пакетики с кроликом, а курицу он есть отказался даже из моей руки.

Ирина Петровна встретила меня на лестнице в кофте с одной застёгнутой пуговицей. Туфли она надела разные, обе чёрные, но одна с бантом. Раньше она так ходила выносить

мусор, только мусорного пакета на этот раз у неё не было.

— Опять туда? — спросила она.

— На Гороховую.

— Я знаю куда. Ты опять на лестницу эту?

Я остановилась. Между нами стояло старое ведро, в которое соседи складывали рекламные листки. Сверху лежало объявление про замену окон. Если смотреть вниз, можно было очень долго читать про зимние скидки и ничего не отвечать.

— Я там с человеком договорилась, — сказала я.

— Ну хоть что-то. В прошлый раз только сказала, что домой хочешь. А я думаю, откуда ты домой собралась, если вот он, дом.

Она взяла с перил перчатку, которую я уронила, и протянула мне. Я спросила, что она будет делать, если завтра я опять назову её сударыней.

— Попрошу дошить рукав, — сказала Ирина Петровна. — У меня к тебе со вторника кофта лежит. Ты два дня мне её то обещаешь, то измеряешь.

Она расправила перчатку у меня на ладони и ушла наверх. В её дверях мяукнул Кузя, потом щёлкнула защёлка. Я надела перчатку уже на улице.

До семи оставалось семь минут. За это время я успела ещё раз представить, что открою глаза дома, в современном теле, с рукой на холодной железке. Тогда придётся отойти в сторону, чтобы пропустить человека, и решить, сколько вечеров

подряд я готова сюда ходить. Или что на другом конце Лиза закончила своё дело и в последний час передумала. По её письму, это ни на что не влияло. Я собиралась вернуть себе Арсения, даже если она в ту минуту уговаривает человека, которого год не видела, остаться ещё на один разговор.

Я встала на третью ступеньку. Из двери аукционного дома вышел молодой человек с коробкой, попросил подержать дверь. Я подержала. Он прижал коробку к животу, спустился и чуть не сел на последнюю ступеньку. Мы оба сказали «осторожно». Потом он пошёл к машине, а я сняла перчатку.

Поручень был ледяной. Я взялась за него и подумала об Арсении. До этого у меня получались разные мысли: что придётся привыкать к платьям, что у Лизы две лишние пуговицы на пальто, что та первая моя жизнь всё-таки была моей и здесь я уже знала, что делать завтра. Теперь я постаралась сформулировать прямо. Я хочу вернуться. Сюда я больше ничего не пришла проверять.

Под ладонью оказалась тёплая бумага. Я держала тетрадь у края стола и почему-то старалась прижать её сильнее. В лавке стоял Блинов, в знакомом полушубке со светлым швом у воротника. Он говорил кому-то за моей спиной:

— Пишет, она и прежде была свободна. И что теперь готова это подтвердить.

Я оглянулась. У прилавка стояла женщина в серой кофте и смотрела на Блинова. Груня держала в руке ключ от кассы. Она потом объяснила, что ключ весь этот час искали, хотя

он был у неё в руке. Сейчас я увидела только ключ и подумала, что в прошлый раз, очнувшись на поминках, первым делом прикинула, сколько стоит чужое кольцо. Теперь даже не взглянула на своё. Сразу стала искать глазами Арсения.

Он сидел у окна, расставив перед собой бумаги. Когда я отняла ладонь от тетради, он встал. Бумаги съехали на пол. Он не нагнулся.

— Через два дня в семь, — сказала я. — Похоже, успела.

Он подошёл и коснулся моего рукава выше запястья. За эти два дня я приготовила про себя несколько фраз. Мне казалось, надо сказать, что на Подъяческой соседка переставила цветы, что Кузя располнел, что я могла остаться и об этом думала. Арсений поправил мой рукав, который Лиза успела завернуть, и я сказала:

— Не приглаживайте. Мне от этого щекотно.

Он снова взял меня за руку. Теперь ладонь лежала в его руке спокойно. Долго мы стоять не могли, потому что женщина в серой кофте уже спросила, что означает «готова подтвердить», а Блинов ждал ответа от Арсения. Я запомнила на потом, как тот сначала хотел подойти ко мне, а потом всё-таки подошёл. Про остальные свои приготовления я вспомнила только к вечеру.

— Я думал, вы позже, — сказал он.

— Я думала, вы будете ждать у часов.

— Мы ждём у часов уже четверть часа.

Он говорил тихо, а последнюю фразу произнёс погромче,

как будто объяснял остальным, где я только что была. Груня посмотрела на часы. Блинов повернулся к ней. Женщина в сером осталась стоять возле прилавка.

— Вы обещали сказать мне, когда она явится, — сказала она Арсению. — Я могу пойти с вами?

Теперь я поняла, что это Даша. В прошлый раз она стояла снаружи, за стеклом, и ждала, пока я закончу с ложками. На одной ложке выбили и пробу, и цифры веса, а остальные спаяли из обрезков. Я положила их перед клиентом по порядку и, когда подняла глаза, женщины за стеклом уже не было. Мне показалось, ей стало холодно. По тетради Лизы выяснилось, что она приходила ради меня.

— Завтра сперва поговорят с ней, — сказал Арсений. — Я узнаю, где вам подождать.

Даша кивнула. Потом спросила, останется ли у нас вечером Лиза. Она произнесла моё теперешнее имя так, что Арсений глянул на меня, прежде чем ответить. Я сказала, что останусь. Она снова кивнула, сложила платок и положила себе на колени. Ей пока было важнее знать, кто придёт завтра, чем с кем она сейчас сидит.

***

Ужин мне пришлось разогреть самой. Я поставила кастрюлю на плиту, открыла крышку и обнаружила крупу, сваренную в воде без соли. Лиза за два дня успела найти на

кухне ровно столько, сколько надо человеку, у которого нет времени смотреть, что лежит рядом. Я добавила соли, кусок масла, потом ещё воды и поставила две тарелки.

Арсений пришёл, когда я переворачивала последнюю страницу тетради. На его правом рукаве налипла узкая стружка. Он сидел днём в лавке у окна, где Пётр Ильич подклеивал раму и всё время вытирал нож об то же место. Я сняла стружку. Арсений сел.

— Вы сразу поняли? — спросила я.

— Когда она попросила меня выйти, я вышел. Потом уже понял.

— Она похожа на меня?

Он взял ложку и только теперь заметил, что положил её не с той стороны.

— Пока молчит. Если заговорит, первые два слова ещё можно перепутать. А потом она ждёт, когда ей позволят сделать то, что всё равно сделает сама.

Я вспомнила Лизино письмо. Она просила два дня уже после того, как решила вернуться. Мне очень хотелось возразить. Я взяла ложку и спросила, что она успела ему рассказать про первый раз.

Арсений рассказал о поручне и ржавчине на Лизиной руке. Когда дошёл до семи часов пяти минут, я полезла за бумажкой, на которую переписала объяснение дворника. Пальто было на вешалке. Моё, в котором я пришла на Гороховую, осталось на Лизе. Вместе с бумажкой.

— Было то же самое время, — сказала я. — Дворник посмотрел на часы у входа, когда я упала. Он разжал мне пальцы. На объяснении Лиза написала «соль».

— Она попросила соль перед тем, как упала со стула. Пётр Ильич видел.

Мы поели. Я попробовала представить, как Лиза прожила с одним словом на полях, ничего не зная о том, кто в тот вечер встал с дивана. У неё был кот, который вечером ждал у соседской двери, и выписка с чужим именем. Я сумела понять чуть больше за два дня, потому что она мне оставила письмо. Ей в начале не оставил письма никто.

— Если она захочет опять, я узнаю только потом, — сказала я.

— Да.

— И вы тоже.

Арсений перестал есть. У него осталась половина каши. Он отставил тарелку так, чтобы мне не пришлось потом тянуться за ней через весь стол.

— Я подумывал пойти к тому крыльцу, — сказал он. — На всякий случай. Потом решил, что вы не там появитесь, если вообще появитесь. Дальше было гораздо труднее придумать, где ждать. Я до вечера ходил между лавкой и спальней.

Я протянула к нему руку. Он пододвинул стул ближе. Мы сидели, пока из лавки не донёсся шум: Пётр Ильич уронил на пол щеколду от шкафа и стал искать её под прилавком. Арсений наклонился ко мне. У него на щеке осталась тон-

кая полоска муки, должно быть, задел мешок в кладовой. Я стёрла полоску. Только после этого мы поцеловались.

***

Даша осталась ночевать у нас. Груня вынула из шкафа одеяло и хотела дать ей маленькую подушку, потом вспомнила, что на ней спит Залог, и достала другую. Пока она стелила, я спустилась за Лизиной тетрадью. Даша сидела за столом и держала перед собой платье, за которым ходила утром на Сенную. Она оторвала уголок нитки зубами. Потом спросила:

— Вы с ним договорились?

Она впервые назвала меня на «вы». Я подумала, что, может быть, просто говорит о Корфе при Груне и не хочет показывать, как давно меня знает.

— О чём?

— Что вы будете мне говорить, будто ничего не сделали. Вы сперва пришли, сказали «поедем к Ане», потом ходили мимо меня, пока я обедала. Сейчас опять смотрите, как будто я пришла в лавку платье закладывать.

Я села напротив. Груня ушла за водой. В тетради было записано, что Даша просила Лизу не идти к Григорию без неё. Последняя строчка перед обменом обрывалась словом «завтра». Я положила тетрадь на стол. Даша проследила, как я её открыла, и тут же вернулась к платью.

— Вы просили подождать вас. С письмом вышло хуже, чем мы думали. Если завтра он приведёт Катю, я тоже хочу её увидеть. С Брагиным без вас больше говорить не стану.

— Что, даже если я сама попрошу?

— Тогда буду. Скажите сперва, о чём.

Она поднесла платье к лампе, чтобы увидеть, не сбился ли шов. Некоторое время мы обе смотрели на белую нитку на сером. Потом Даша спросила, можно ли мне доверять. Спросила, глядя на платье, как спрашивают у соседки, много ли она поставила соли в суп, когда есть уже начали.

Мне хотелось сказать, что она может доверять мне полностью. Я только что вернулась через сто тридцать три года к мужчине, которому доверяла. Даша, если верить тетради, второй день пыталась выяснить, почему я пошла к Григорию за её спиной.

— Завтра лучше проверить, — ответила я.

Она расправила платье и протянула его Груне, которая вернулась с кувшином. Оказалось, они всё это время чинили подкладку на Грунином платье, а я приняла его за Дашино. Груня посмотрела на шов и сказала, что теперь можно будет стирать, не обматывая ниткой рукав. Даша собрала иголки и спросила, когда вставать.

Я отнесла тетрадь наверх. На форзаце нашлась приписка, которую я прежде не прочла. Лиза мелко написала, что с Дашей надо быть осторожнее, если та начинает говорить спокойно. Внизу дописала: «И передайте, если будет случай, что

я помню, о чём она просила». Видимо, она оставила это уже у самого края времени. Я не знала, как объяснить Даше, кто передал ей эти слова. Пока могла только сама запомнить.

***

Утром из кухни донеслось, как Даша спросила Груню, где здесь держат хлеб. Я встала, оделась и пошла вниз. Пока мы завтракали, Арсений прислал записку: Григорий пришёл раньше, разговор уже идёт. Он просил Дашу подойти и подождать в коридоре. Даша прочла, пододвинула мне тарелку и так сильно натянула перчатку, что один палец остался пустым. Я поправила ей перчатку. Она подождала, пока я закончу, и первой пошла к выходу.

У дверей сыскной мы встретили Блинова. Он сказал, что человек, который принимает заявление, просил не мешать ему до конца разговора. Даша ответила, что ей надо только посмотреть. Он повёл нас по коридору, где у стен лежал снег, осыпавшийся с сапог, и остановился напротив двери. Из комнаты доносился голос женщины. Она говорила тихо, внятно, как говорят, когда слова заранее отмерены.

— Зовут Екатериной Павловой. Из конторы ушла сама.

Даша взяла меня под руку. Я почувствовала, как у неё под перчаткой согнулись пальцы.

— Лиза, — сказала она. — Это Аня.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.